

Учитель

Владислав Март

18+

Владислав Март

Учитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70288990

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ о том, как в зимней глуши созданы условия для поиска себя и помощи людям обрести истину и гармонию.

Владислав Март

Учитель

Зимнее солнце, похожее на ламповый телевизор светило сквозь дровницу мерцающим и тёплым способом. Там четвертинки спилов берёзы оставляли решето промежутков, позволяющее солнцу почти целиком пролезть ко мне, к зрителю, через ограду дров. Сами дрова лежали неровно, как и положено, чтобы ветер легко просушивал будущие жертвы печи. Чтобы ветер входил и выходил ужом сквозь промежутки и лазы. Будто ребёнок впервые собиравший паззл кто-то как мог впихнул поленья в ряды чтобы сформировать абстрактную картину. Кривыми треугольниками они сплели подобие природного витража. И как бы ни был тот витраж замысловат и кос, солнце за ним, струясь по промежуткам для ветра, подсвечивая каждый сучок на каждом спиле, так и говорило, смотри, вот она асимметричная красота природы. Вот то, что не может быть повторено пятипалыми с их культурой, искусством и всезнанием законов жизни. Я, солнце, просто святя сквозь ряд мёртвых кусков дерева сложенных в дженгу дровницы, я создаю вещь сильнее и краше любого с художников. Встаю и сажусь с этой дровницей, меняю углы и интенсивность, подкидываю алого, и каждую, слышите, пятипалые, каждую секунду творю шедевры. Не то чтобы я воспринимал слова солнца имеющими отношение именно

ко мне, в конце концов, я и рисовать-то не умею. Но у меня тоже есть эта сложная штука – сетчатка – часть мозга, засунутая отчего-то в глаз. И, соответственно, я тоже могу отличить прекрасное от красивого. И, опять-таки, это моя дровница стоит поперёк света солнца и участвует в витраже, о котором идёт речь. Поруби, попили я берёзу более аккуратно, разложи маниакально геометрически, во всё это благолепие вмещалась бы симметрия. Что могло бы солнце противопоставить симметрии? Только меняющийся спектр. Только меняющийся угол гонки по небу. Так что, без всякого академического художественного образования, нечаянно, обладал я правами на свет сквозь решётку мертвечины. И этим, благодаря вращению земли, рождению и смерти живого, моему мозгу в глазу, обращался в автора картины. В такой морозный день не было ничего прекраснее этой картины, этой движущейся инсталляции света в поленьях. Иногда нужно просто смотреть на мир и ничего не делать, так велит Учитель.

Холод достиг той границы, за которой к кормушкам с семенами начинают прилетать сороки и вороны. А синицы, прежние хозяева лакомства, пытаются не потерять позиции и, отступая, нет-нет, да и ухватят семечку подсолнуха, последний трофей. Сороки превратились из такси-торпеды в шар с долгим хвостом, в гигантский чёрно-белый чупа-чупс. Нахохлившись телом-пирожком полностью укрывают свои лапы, а голову засовывают без страха в дыру кормушки. Там как могут клюют, а чаще просто заглатывают семена. При-

летают по три-четыре и ждут в очереди на перилах беседки. Садясь на неё складывают хвост в палочку, как веер и терпеливо превращаясь в перьевую подушку ждут свой черёд. Вороны парами, неотличимыми кто мальчик, кто девочка, как обычно. Такими же взъерошенными курицами они ждут на соседнем дереве. Видом своим спугнув синиц и воробьёв, умными глазами пытаются что-то придумать с кормушкой. У сорок получается, клюв невелик. У ворон не очень. Возможно, следят они за кормушкой не из-за семечек, а следят за дичью, используя кормушку как капкан-приманку в эту холодную пору. За всеми ними прилетает отчего-то одинокий снегирь, самец цвета позднего яблока. Ему уже мало достаётся от пира. Подбирает с заснеженного пола беседки. Я перестаю быть наблюдателем звёзд в телескоп, наполняю литровую кружку смесью семян и выхожу из дома. Оглушающий хруст мороза издают ноги. Это переломы черепов снежинок, это уничтоженные литавры ночного снегопада. Меня слышно должно быть в Африке. Шаг подобен удару в колокол. Снег на морозе хрустит невероятно. Я несу драгоценную пищу птицам. Сорок семь шагов. Высыпаю, расчищаю варежкой взлётную полосу на перилах, подбираю иссиня-чёрное сорокино перо. И сорок семь хрустов назад. Нос успевает покрыться изнутри инеем, рука замёрзнуть, кружка наполниться летящими снежинками. За спиной, не дожидаясь моего отступления, синицы яростно пищат в воздухе. Комки чёрно-жёлтой ярости. Самураи января. Их задача выжить

сегодня. Съесть всё до возвращения неспешных сорок, которые своими клювами-бульдозерами, отбирают у синиц право на жизнь. Я разделся и через окно вижу повторение, смену птиц, просовывание головы в кормушку, возмущение маленьких, ожидание крупных. Сороки опять, как аристократы в очереди на гильотину, втягивают голову в пух и прячут ноги тепло пера, обмениваясь друг с другом редкими отзывами на последний урожай бургундского. А вокруг беседки скачет шар-воробей. Чтобы прыгать и бежать не всегда нужна причина, достаточно выйти во двор и побежать, попрыгать. Так делает Учитель.

Над всей окраиной заброшенного посёлка висит огромное гало. В прозрачном воздухе от солнца расходится круг сияния словно от византийского святого. Радуга наоборот – гало – висит сразу во все стороны и до того нереально, и до того неуловимо сетчаткой-фотоаппаратом, что кажется патологией, ожогом от лучевой трубки, от тех времён, когда я смотрел телевизор. От тех времён, когда ходил мимо искрящихся витрин большого города. До того как встретил Учителя. Гало в небе, хруст снега, шаровидные сороки – знаки зимы, что лучше ртути в термометре говорят о температуре. Мороз. Настоящий географически защищённый конец света. Молчашие холодные машины, разорванные льдом бутылки, острая крупа льда на подоконнике. Идеально для принятия гостей, новеньких ищущих. Пока пешком от автобусной остановки дойдут, многое объяснять уже не нужно. Только

на входе показать им какой-то знак, движение рукой, мол, началось. Вот. Отсчёт пошёл. Мы на месте и уже внутри. Автобус уже скоро подвезёт их. Если москвичи, одетые в совершенные утепления импортной одежды, то дотопают минут за девяносто. Если больные, убогие, может замёрзнут совсем и обойдётся без суеты эта неделя. Если издалека приехали, возможны сюрпризы. Пьяные, оголтелые, бесноватые, глупые... Я пошёл проверить ружьё, топор и портвейн. Каждый раз сюрприз с этими ищущими. Всё они никак не найдут. Во всём им помощь нужна. Для всего знак, совет. Придурки. Но Учитель им не отказывает. А я, что я, просто верный помощник. Дрова тоже успею принести, автобусная остановка не близко. Я потопал в сторону дровницы чтобы модифицировать витраж солнца, снять верхний слой кривоватых добровольцев-поленьев. Обычно я беру семь в охапку, кладу на левое предплечье и правым придерживаю. Сейчас взял восемь. Так тяжелее и не впадаю в зависимость от сложившихся стереотипов. Захочу и девять принесу. Я тут правила устанавливаю по части дров. Учитель мороза не боится. Тепло это всё для приезжих. Надеюсь, идущие от остановки прочитали заметки на сайте внимательно. Ни слова, ни пустоты, ни лени.

Мне пришлось на время отвлечься от отсчёта минут до прихода гостей. К кормушке прилетел средний пёстрый дятел, из тех что весь покрыт чёрно-белыми березовыми штрихами, а под пальто у него яркая красная подкладка. Он отби-

рает свою бело-чёрную часть у сорок? У берёз? У снега и угля? Если уж дятел питается у меня, мороз не шуточный. Бедные птицы переходят на несвойственный им корм. Я смотрел на дятла, который не решался просунуть голову в большую дыру, вырезанную в пятилитровой пластиковой банке-кормушке. Она прозрачная и полна разных семян, преимущественно чёрных стреловидных подсолнечников. Дятел вероятно не ел и сидел на месте потому что видел меня. Ох уж эти птицы с их зрением. Слишком хорошим чтобы опасаться человека за двадцать метров, за стеклом окна, за занавеской. Молчащего и наблюдающего без тени агрессии на лице. Чтущего силу природы и её баланс жизни и смерти. Откуда знать дятлу, что я влияю на этот баланс на конкретной небольшой территории. Не знает он, что я есть его союзник. Моя рука сыпет в мороз пищу. Вчерашние снегири не обращали на меня никакого внимания. Но этот дятел, та сорока, вороны и все врановые, такие недоверчивые. Не перечеркнуть одному человеку то, что натворили до меня многие другие. Доверие к незнакомцам, это один из замечательных уроков Учителя.

Лопаты расставлены в порядке употребления. Сначала нужна будет штыковая, кое-где порубить слежавшийся под собственной массой снег. Особенно там, где тепло дома, покидая его, встретилось с люттой окружающей средой. Потом совковая. Забраться ею в сложные дыры, прибрать отдельные тяжёлые снежные кирпичи, нарубленные штыковой. Потренироваться. Пошкрябать как следует кое-что, погреметь.

Третья лопата – снеговая с металлической плашкой на конце. Чтобы не изнашивалась быстро. Это основной рабочий инструмент для познания всех оттенков снега. С ней надлежит пройти все дорожки до и после беседки, за сарай, к воротам, вдоль заборов, к птичьим кормушкам, чтобы Учителю было удобно гулять и размышлять. Везде, где должен потом будут ходить и гости, дышать иголками января и молчать. Сохранять теплый воздух внутри рта, не раскидывать слова до того, как действительно есть что сказать. Сегодня лопат шесть. С автобуса придут трое. Что ж, разберёмся как они станут менять роли. Кто со штыком, кто с совком, снеговые лопаты получат все. Это главное. Это основа в первые дни. Понять, что каждое утро все дорожки заметены заново. Что нет конца работы снеговой лопаты. Принять вес снега, привыкнуть к оборотистому движению лопаты, откидывать снег с сторону. Получить эту ноющую поясничную боль, заморозить пальцы. Ох, как завидую приезжим, что будут заниматься этим в первый раз. Какая прекрасная вещь, просыпаться и снова и снова убирать снег. Сотни взмахов на долгих дорожках, тонны снега. Бесконечный. Непобедимый. И всегда такой разный. Кто первый из гостей заметит? Снег каждый день разный. Не новый, а разный. А боль постепенно пройдёт. Спина и плечи окрепнут. Можно будет переходить к рубке дров. Понять разницу колуна и топора. Не каждому дано. Однако всё нет и нет этих приезжих. Час вероятно прошёл. Высокие и молодые с длинными ногами уже должны были прийти.

Длинными ногами с подвёрнутыми джинсами по высокому снегу. Может близорукие, карту читать не умеют. Знака перед собой не видят. Стоит же столбом белый дым. Один он тут в бирюзовом небе. Гало им мешать не должно, то северная сторона. Придут, куда денутся. Учитель умеет ждать. У него два бока чтобы лежать и ждать, и он может их чередовать.

Лишь бы не оказались люди из тех, кто называет мой дом випассаной. Такие самые слабые. Неумные. Без толку две недели чай пропьют и только откровения свои потом год по блогам будут развешивать. Какая такая випассана? Говорить не нужно, это верно. Учитель молча живёт. Но асаны-то другие. Познают себя не голодом с рисом пополам на солнышке под магнитофон, а природой и Учителем. Не сидят на попе со скрюченными ногами, как терновый куст, а идут по снегу, закаляют кость, толкают неисчислимое воинство зимы, прорубают путь лопатой. Идёт битва жизни и смерти. И перед глазами примеры её каждое утро. Не покормишь птицу – умрёт. Не станет сил после доноса воды, не сможешь семечки отнести. Скажешь слово в расстройстве – не получишь права покормить синицу. На следующий день будешь смотреть на её зачоченелый трупик вместо завтрака. Не ползет в горло блин с мёдом. А потом, ах, что толку заранее говорить. Сначала ведь надо дойти, потом снег, потом только к Учителю показаться. Посмотреть, как это, жить в гармонии с собой. Кто випассану эту прошёл на курортах – здесь за-

гнётся. Лучше с чистым неопытным умом приходиться. Не тащить с собой из города все эти книги в голове, все стримы и наставления богатых. Нет, определённо, если опять скажут, что это как випассана, то придумаю что-нибудь нехорошее. В первый раз, спасибо Учителю, не дал психануть по-крупному. В первый раз я только у лопат деревянные ручки на ломы заменил. Для весомости аргумента труда. Для лучшей привычки. Прогресс в понимании снега тогда пошёл по-другому. Много добрых слов читал после на сайте. Мысли у меня были и по-иному отвадить от упоминания випассаны, но Учитель остановил. Спасибо. Ломов может быть вполне достаточно.

Солнце покатилося на закат, короткий этот бег был мне в деталях знаком. Но гостей всё нет. План дня рушился. Не станут же в темноте снег убирать. А рябину собирать? А дрова принести? Что, придут и просто греться у печки? Что за нарушение просветления? Я не нервничал, не волновался. Я просто был удивлён такой безалаберной тратой времени Учителя. Наказано от автобуса дойти к дому без остановок. Время Учителя – день. Никто не может быть властен и над днём, и над ночью. День – Учителю. Ночь – Волку. Волк других и другому учит. Если кто идёт к учителю во время Волка, сам виноват. Неразумный. Закат надо встречать дома. Я выглянул из окна в сторону тропинки к автобусной остановке. Тропинки конечно не существовало сейчас. Прежние ученики ушли три дня назад и её замело. Новые всё никак не объ-

являются. Направление, гладь снега, где они протопчат тропинку сегодня, оставалась неповреждённой. Никто не шёл от дороги. Время ли обратиться за советом? Я тихонько посмотрел через приоткрытую дверь чем занимается Учитель. Он был в том же положении, в каком я его видел в полдень. Лежал на спине. Хотя сложно описать. На спине, но и на боку. Задние лапы были широко раскинуты и висели в воздухе предьявляя теплу и свету то, что было между ними. Передними Учитель упирался в ножки табуретки. Голова была закинута назад и нос упирался в диван. Язык вывалился до пола. Мерное посапывание говорило о том, что гармония присутствовала. Белая шерсть на шее местами скомкалась, но на животе была упорядочена и длинна необыкновенно. Расчешу перед ужином, пожалуй. На миг, голубые глаза его открылись и считали моё присутствие. Затем снова закрылись. Я удалился от двери. Я понял знак Учителя. Не стоит суетиться, придут твои гости. Ещё светло, ветра нет, столб дыма стоит в безоблачном небе как маяк. Дорога – это то, что остаётся после идущего, а не лежит перед ним.

На втором этаже я приготовил постели. Простые плотные матрасы и толстые тёплые одеяла. То, что нужно после непривычного тяжёлого труда и ослепительной красоты общения с Учителем. На стенах были украшения, в основном подарки от приезжих. Вот картина из шерсти оленя, вот портрет учителя маслом, вот целый пук колокольчиков на переплетённых верёвочках. На другой стене – ловец снов,

деревянные фигурки птиц, сухие цветы в раме из рогоза. Чего только не оставят городские. Не хватает им красоты, всегда больше нужно, всегда снаружи от себя. Чтобы глаз легко находил красоту на стене. Закрывать глаза и убедиться, что красота внутри, на своём месте, это для них сложно. Это не для первого дня пребывания. Это придёт позже. Постелей всего было шесть. Но столько сильных и готовых к истине приходило к Учителю крайне редко, чаще два-три человека. Двое тоже не лучшее число. Устают сильно первые дни пока учатся лопате и топору. Лучше три-четыре человека. Тогда и пироги быстрее готовятся, и косточки сахарные рубятся ровными частями. Всегда есть кому выбрать пластинку. Всегда кто-то в доме следит за печкой и знаками Учителя. А то бывает займёшь всех на улице, а Учитель выйдет показать, как снегу радоваться, как за птичками бегать. Да ни у кого сил нет. Сидят, глядят, так и норовят уснуть на морозе. Тогда собираю в охапку неудачников-слабаков и отношу наверх. Вот на эти матрасы, к этим сувенирам на стенах. Не готовы ещё. Зелёные, как синяки на второй день. Смотрите пока на внешнюю красоту. Хотя разложишь их по углам, смотришь, нет-нет, а кто-то и ляжет в позе Учителя. У кого-то да мелькнёт его улыбка. Не зря. Всё не зря. Впитывают знания. Потом Учитель и я сядем на пол, смотрим как спят гости. Минут пять. Потом уходим сахарные косточки есть. Не наша вина, что они такие усталые от своего внутреннего груза. На завтра будет легче. Уйдёт его часть. Заместится гармонией.

Раскидают лопатой по участку. Прилипнет шерсть Учителя к их штанам, привыкнут руки к его теплomu телу, встанут его уши острее, будут он весело цокать своими когтями пробега-
гая между улыбающихся и довольных гостей. Придёт время.

Птицы перестали прилетать к кормушке. Признак того, что день закончился. Хоть мой глаз ещё полон солнечных лучей, птички уже собираются в остатки тепла и готовятся спать на границе между жизнью и смертью. Надеюсь хорошо их покормил. Я вышел на улицу посмотреть всё ли в порядке с дымоходом. Видна ли путникам парная белая отметина на небе над домом. Нетолстый, но не прерывающийся столб тёплого воздуха держит дом подвешенным к небу. Маяк работает. Должно быть видно на километры. Ясное лазуритное небо чуть затемнело на западе, стало аметистовым. Ещё час и наползёт на нас гематит с последней искрой света, а после и антрацит. Настанет время Волка. Приедет по небу Орион и станет хвастаться своим поясом. Я открыл калитку и посмотрел в сторону заметённого пути к остановке. Несколько дней назад по нему уходили прошлые гости. Варенье мне оставили и лопаточные хрящи Учителю. Неплохие в целом были человеки. Ступали легко и улыбались. Две недели просветления, это их термин, прошли с пользой. Для нас с Учителем это были просто ещё две недели жизни. Мы рады были оказаться полезными. Может новички не приехали? Очень это некрасиво с их стороны. С высокой берёзы, с тонкой её ветви на самом верху слетела и удалилась в сторону леса по-

следняя неспящая ворона. Иней посыпался вниз, замирая на лету как фата невесты. Я вспомнил как около обеда от дороги летели сороки. Их спугнул автобус. Приехали значит. Но пассажиры не пришли.

Я приоткрыл дверь и обратился к Учителю. Потрепал по холке, погладил. Тот был спокоен. Встал попить воды и снова шумно упал на бок в центре комнаты. Подставил живот под мои руки. Чесать и гладить. Всё хорошо. Дойдут. Что тут идти, часа два. Я читал, что каждый раз просветлённые оставляют что-то на пути на память. Кто варежку, кто ленту повязывает на дерево. Надо будет сходить посмотреть самому. Так что от остановки до нас не только дым из трубы, много всяких указателей теперь имеется. Учитель не волнуется. Шерсть гладкая и тёплая. Между пальцев лап торчит она комками, такие зимние носки у пса. Совсем не линяет, холодно, не время терять волос. Мудрый Учитель. Такой прекрасный. Перевернулся на бок и снова засопел, вот-вот язык вывалится наружу и прилипнет к доске слюнями. Блаженный. Показывает мне как надо жить в мире и покое. Суета не пройдёт. Страдания не войдут в этот дом. Голубые глаза прикрылись и закатились новым белковым эпизодом сна. Я ушёл подкинуть полено в печь. Низкое солнце отразилось от блестящего чайника и попало мне в зрачок. Оно уже висело на уровне забора и готовилось скрыться, оставаясь только в скважине затвора калитки. Перед покиданием земли солнце теряло свой янтарный цвет и как яблоко наливалось крас-

ным жирным сочным рубином. Сейчас ещё сердолик, но через пять минут чистый рубин. Пять минут достаточно чтобы отморозить пальцы если порвутся перчатки. Пять минут хватит чтобы сломать ногу застряв в снегу горожанину, сошедшему с тропы. Пять минут страха в темноте это... Вдруг там одни женщины приехали? Или подростки? Я незаметно для Учителя нагибаясь под окнами прокрался к сараю и взял топор и ружьё. Потом мышью прошёл в прихожую, в дом, к месту где у печи лежали всегда запасные рукавицы и шапки. Взял их тёплыми и скрутив положил в рюкзак. Налил два термоса чая и почти на цыпочках чтобы не менять блаженство Учителя вышел из дому. Именно в этот момент на забор присел ранний мрак. Из-под ворот ещё светила солнечная свеча, задуваемая поднимающимся ветром. Снег пришёл в движение. Лёгкая пороша дёргалась по углам огороженного участка, по вычищенным дорожкам, по скатам крыши. Шуршал снег, просыпаясь перед ночной вакханалией. Я проверил нож в сапоге, зажигалку, спички, фонарь, спирт в фляжке и прокрался к калитке.

Калитка отворилась ледяным скрипом, который вполне мог бы выдать меня. Прости Учитель, я послушаюсь. Уйду ненадолго. Прости, слаб я, не силён. Думал постиг, думал, что рутина мирская за забором не для меня. Уйду ненадолго, вернусь с этими неудачниками. Отогрею их, покормлю. А просвещение потом. Мы потом им лом дадим и лопату, про огонь расскажем и про блаженство лежать на полу с под-

нятыми лапами. А сейчас надо тихонько закрыть калитку. Не скрипеть больше. Не опозориться перед Учителем. Я вышел на корточках спиной вперёд на пяточок перед калиткой и уже не увидел свою тень. Солнечное яблоко надкусила ночь. По колено поднимался беспокойный снег с проснувшимся ночным ветром. Белый дым-сигнал моего печного маяка стал таять во мраке. Теперь найти нас можно было лишь по свету окна на втором этаже. Я повернулся в сторону автобуса и хотел было зашагать скоро на поиск учеников этих потерявшихся-проклятых. Но вынужден был остановиться.

Передо мной на высоком сугробе во всей своей красе стоял Учитель. Он вышел раньше меня и ждал пока я соберу человечьи вещи, без которых мы не идём в поход. Он был лохматым и выглядел крупнее себя самого. Всё знал про мой побег. Он то ли улыбнулся мне, то ли вздохнул и показал мордой на заметённую дорогу. Спрыгнул с сугроба и побежал в сторону остановки, по просеке, что теперь уже терялась в ночной тьме. Я включил фонарик и пошёл следом. Мои шаги не были так быстры как мне хотелось. Вещей я набрал с избытком, а снег оказался мягким. Я тонул с каждым новым шагом. Закалённый здешней природой я шёл не жалуясь. Тем более обет молчания, в отличие теперь уже от всех остальных, я пока не нарушил, Учитель тому свидетель. Я шёл как мог проворно, конечно не поспевая за ним. Тот то исчезал прыжками во тьме, то возвращался с неожиданной

стороны и тёрся у моих ног. Затем лохматый снова бросался в ночь и я терял его из пятна фонаря. От этого электрического света я словно слеп и не видел ни деревьев, ни звёзд на небе, только белое пятно, начинающуюся пургу и изредка попадавшего под свет белого Учителя. А чаще даже не всего его целиком, а то лохматые уши, то мощные лапы.

Я шёл тяжело и по прямой, изредка встречая петляющие следы. Хотелось бросить ружьё и рюкзак, но склонив голову я продолжал. Чтобы не сбиться с просеки и лучше ориентироваться на просвет неба меж деревьев я выключил фонарик. Давненько я не ходил до дороги, по ощущениям была половина пути, точно этого сказать никто бы не смог. Глаза привыкли к темноте, я наслаждался Орионом, что стоял как раз опираясь ногами слева и справа на ёлки по бокам просеки и мы шли на его звёздный пояс. Внезапно Учитель оказался прямо передо мной на высоком снежном бугре и неподвижно смотрел вдаль, почти по курсу нашего движения. Я также остановился и прислушался. Ветер гасил все звуки кроме скрипа сосны за спиной, снежинки мелькали и честно признаться я не видел ничего дальше хвоста Учителя. Почти ничего, потому что когда я постарался посмотреть точно по направлению его взгляда, то увидел два светящихся глаза. Они то появлялись во тьме, то мелькали исчезая, появлялись снова в другом месте. Один ли был у этих глаз хозяин. Метался ли он по снежному лесу или мы видели много пар глаз, что открывались и разрывались по очереди. Волк.

Мы вышли не в своё время. Время Волка, время учиться насилию и злобе. Учитель вдруг напрягся и завыл, закинув голову назад. Вой его заглушил снеговерть и очень удивил меня, испугал. Это было словно начало чего-то, знак. Вой продолжался может быть минуту и затем Учитель стремительно бросился во тьму в сторону, где последний раз мелькнули красные глаза. Я скинул ружьё и начал взводить курок. Другой рукой достал фонарик и пытался включить. Фонарик никак не включался и неожиданно вспыхнув лопнул. Увидев в новый раз красные глаза справа, я обернулся и нажал на курок. Выстрела не было. Я поднёс к лицу механизм, но тут ветер повалил меня и отчего-то я упал лицом в снег. Подскочив сразу же я не устоял на ногах и опять упал на этот раз на спину. Через меня то ли перепрыгнул кто-то чёрный, то ли ветер пробежал плотным потоком и сбил шапку. Я снова встал, выставляя перед собой ружьё и крутился в поисках красных глаз. Увидел, но выстрел не получился. Без перчаток я тряс оружие, передвигал затвор. Патрон был внутри, но ружьё отказывалось работать и я отбросил его. Достав топор и нож, я пошёл во тьму, туда, где как мне казалось шла какая-то возня, новый незнакомый шум. Комок звуков похожих на звук рвущейся простыни или скрежет железа о железо. Ноги проваливались в снег выше колена, я практически полз. Ещё пару раз увидел злые глаза и скорректировал свой маршрут. А потом снова меня опрокинуло, а топор зацепился за что-то и ветка ударила по лицу ледяными иголками.

Слёзы брызнули из глаз, но я встал слепой от ветра и слёз, и поднял высоко свои режущие орудия. Я хотел кричать Учителю, но вместо того вертелся на месте, не наблюдая больше ни глаз Волка, ни направления дороги. В рот летел снег. Ветер снизу поднимал поток холода. Я остановился чтобы утереть лицо. Что-то снова показалось впереди, как мог быстро пошёл туда. Я кричал и махал топором, дважды упав, на коленках дополз до какой-то тени, оказалось большого пня и надо мной угрожающе скрипнул ствол дерева. И после вдруг наступила тишина. Холодный ветер притих и яркий Орион будто прибавил мощности. Я стоял на просеке и различал впереди свет, не похожий на домашний. Это был какой-то другой источник. Возможно гости развели костёр или у них был фонарь. Не пытаясь найти в снегу ружьё, я пошёл навстречу свету. Он оказался куда как ближе моего ощущения. То был заведённый внедорожник, урчащий и пускающий газ в небо, с освещённым салоном в котором сидели двое молодых людей и девушка. Негромкая музыка шла от приборной панели. Сквозь стекло сзади я увидел, как на сиденье с ними был Учитель. Большой и белый, с ещё не растаявшим снегом на шерсти между пальцами лап. Он блаженно принимал поглаживания людей и закрыл глаза. Я спрятал за пазуху топор и вложил нож в ножны сапога и взялся за ручку двери машины. Моё правое предплечье было в крови от трёх параллельных разрезов. Они рассекали одежду, мой рукав и кожу как будто меня трижды ранили саблей. Я не чувствовал боли,

только холод. Чтобы не пугать приезжих, шарфом замотал руку и потянул из темноты окружающей джип дверь на себя.

Сначала гости говорили торопливо, объясняли что-то про сломанную подвеску, неработающий навигатор и забытый ориентир. Про слоёную мультизадачность и выгорание. Удивлялись как было светло днём и как стало темно ночью. Они боялись выйти из машины из-за ужасных красных глаз и страшных звуков во тьме. Каждый говорил одно и то же по три раза. Но потом как-то разом они все перестали шуметь, догадались кто перед ними. Здесь, между запотевших стёкол и цветных пуховиков. Это не просто пёс из леса, это Учитель. А я его верный слуга. Приезжие замолчали, соблюдая обет и стали вынимать вещи из багажника. Смирненно они последовали по нашим слабо различимым следам к месту исцеления и просветления. Огонёк второго этажа искрил нам не хуже звезды с пояса Ориона. Пыхтение генератора намекало на уют и чай. Учитель намного опередил нас в пути и уже сгрыз свою порцию мороженого мяса, когда мы ещё только топтались у калитки. Ночь миновала свою середину и начала умирать, уступая место рассвету и знанию. Завтра Учитель начнёт свою благую работу. Покажет новеньким, что такое сладко есть и спать, радоваться снегу и птицам, и не делать вещи не так, когда можно делать их так как надо.